

Первое слово – особая точка отсчета в жизни каждого из нас. Младенец, вчера укрощавший непокорные звуки, а сегодня наконец произнесший осмысленное слово, становится иным человеком. Его мы внимательнее слушаем, с ним еще трепетнее говорим. Будто теперь он познал то, что «гадательно» ведомо всем нам. Будто теперь он преодолел то, что когда-то преодолели и мы, – первый страх одиночества. Неслучайно наши первые слова – это чаще всего «мама» и «папа». Кажется, что через них ребенок говорит: «я здесь», «я свой». Вот так и русский язык преодолевает в своей метафизической истории три страха одиночества.

Равноапостольные Кирилл и Мефодий, создав славянскую азбуку, не просто дали возможность переводить книги и записывать мысль или речь. Они определили для нас сверхзадачу языка. Названия букв равноапостольской кириллицы – это не нынешние «ка», «эль», «эм»... Это полноценные слова. Можно по-разному относиться к идее зашифрованного в азбуке послания, но сочетания «глаголь добро» или «рцы слово твердо» призывают нас быть твердыми в слове, созидать словом, спасаться через слово. Так, буквы, испугавшись одиночества, в своих названиях-словах преодолели его, нашли друг друга. Этим был побежден первый страх.

Затем одиночества испугались уже слова и стали собираться в словари. «Толковый словарь живого великорусского языка» Владимира Ивановича Даля – это единственный в мире словарь, который интересно прочесть от корки до корки, как художественную книгу. Если, по Анатолю Франсу, словарь – это «Вселенная, расположенная в алфавитном порядке», то словарь Даля – это алфавитный порядок, оживотворенный вселенской гармонией.

Даль не составил словарь – он воплотил его, как все духовное, способное воплотиться в вещественном: «С языком, с человеческим словом, с речью безнаказанно шутить нельзя; словесная речь человека – это видимая, осязаемая связь, союзное звено между телом и духом; без слов нет сознательной мысли... без вещественных средств этих в вещественном мире дух ничего сделать не может, не может даже проявиться...»

Оттого словарь Даля настолько гармоничен, что напоминает таблицу Менделеева: в нем все слова находятся на своих местах, определенных неподвластным человеку языковым промыслом.

И эта гармония отторгает все чужеродное и разрушительное. Потому, когда филолог И.А. Бодуэн де Куртенэ дополнил одно из изданий словаря бранными словами, гармония разрушилась, сло-

варь рассыпался. В авторском же издании, без посторонних поправок и сокращений, слова нашли друг друга и преодолели страх одиночества.

Третий страх языка связан с потерей способности порождать новые смыслы. Это одиночество слова, лишённого одухотворённой мысли. И этот страх разрушает поэзия. Веками она вдыхает в язык новую жизнь. Так, в творчестве Николая Гумилева, который, пожалуй, больше других поэтов написал стихов о стихах, стихов о слове и языке, воплотилась универсальная поэтическая «логософия», где природа слова постигнута поэтом уже настолько, что из инструмента изъяснения язык превращается в образ, идею.

На первый взгляд может показаться, что Гумилев говорит о разрушительной природе слова. Но оно всегда одинаково близко и к смерти, и к рождению:

В муках и пытках рождается слово,

Робкое, тихо проходит по жизни.

Странник – оно, из ковша золотого

Пьющий остатки на варварской тризне.

Или хрестоматийное:

В оный день, когда над миром новым

*Бог склонял лицо свое, тогда
Солнце останавливали словом,
Словом разрушали города.*

Если Даль в словаре воплощал слово, то в поэзии оно «развоплощается»: дух освобождается от всего земного, подобно тому, как хлеб становится Святым Причастием:

Но не надо яства земного

В этот страшный и светлый час,

Оттого, что Господне слово
Лучше хлеба питает нас.

Потому слово – это не цветовой спектр и не семь нот октавы. Словесные смыслы складываются не из множества комбинаций. Словам вновь и вновь сообщается неиссякаемая «мысль великая». Так преодолевается третий страх языка.

Младенец растёт на глазах. Он уже произнес первое слово и сделал первый шаг. Но если первый шаг – это физическое движение, то первое слово – движение духовное. Через него, сам того не осознавая, младенец соединяется незримой, но нерасторжимой связью со своими родителями и родом, далекими предками и созидателями языка: Гумилевым, Далем, братьями Кириллом и Мефодием. Не просто осваивает язык, а становится «носителем мысли великой».

КНИГИ БОЯТСЯ ОДИНОЧЕСТВА

Слова боятся одиночества. Покидая толковые словари, нарушая алфавитный порядок, они прикипают друг к другу, смысл прирастает к смыслу, и рождается нечто новое, ранее неведомое – слова обретают иное бытие. Так

появляется «весна света», «на холмах Грузии лежит ночная мгла», «и звезда с звездой говорит».

Подобное происходит и с книгами – на полках, в библиотеках. Зримые и осознаваемые, стоящие рядом Пушкин, Достоевский и

Толстой не воспринимаются обо-соблено, это уже совокупный смысл, преодолевающий эпохи, страницы и синтаксические конструкции. Потому библиотека, наверное, и есть та загадочная ноосфера, где живут образы и идеи – те, что уже обрели словесную плоть, и те, которым еще предстоит воплотиться.

С какой жаждой мы ходили за этими идеями и образами в школьные и университетские библиотеки! Но самое главное – мы создали эти ноосферы в своих домах. Домашние библиотеки были нашей традицией, нашим жизненным укладом. К сожалению, именно «были». Сегодня библиотеки покинули наши дома – говорю о тенденции, не отрицая редких отдельных примеров личных библиотек.

А ведь всего четверть века назад Лихачев в «Письмах о добром и прекрасном» писал: «Сегодня личные библиотеки в очень многих домах. Существует даже такое явление – книжный бум.... И то, что люди интересуются книгами, покупают, стоят в очереди за книгами, – это же хорошо, это говорит о каком-то культурном подъеме нашего общества. Но мне могут сказать, что вот книги попадают не тем, кому они нужны. Иногда служат украшением; приобретаются из-за красивых переплетов и т. д. Но и это не так страшно. Книга всегда найдет того, кому она нужна. Например, покупает книгу человек, который украшает ими свою столовую. Но ведь у него могут быть и сын, и племянники. Мы помним, как начинали люди интересоваться литературой – через библиотеки, которые они

находили у своего отца или у своих родственников».

Теперь уже и не верится, что совсем недавно было действительно так. Отсутствие библиотек в наших домах можно объяснить самыми разными причинами. И в первую очередь отсутствием интереса к чтению, появлением электронных книг. Но все суждения об этом уже давно стали общим местом, потому всякий раз, возвращаясь к ним, мы рискуем заговорить саму проблему, затуманить ее решение. И потому в вопросе отсутствия домашних библиотек хотелось бы сосредоточиться на совсем других причинах – может быть, неочевидных, может быть, касающихся слова, литературы, книги опосредованно.

Во-первых, из нашей действительности ушла страсть к собирательству. В приведенных словах Лихачева звучит мысль о том, что есть книгочеи, а есть книголюбы – те, кем, помимо чтения, движет страсть к книге как к артефакту, те, для кого библиотека – это еще и уникальная коллекция книг. Очень точно природу коллекционирования определил Владимир Солоухин: «Собирателю свойственно сосредоточенное, углубленное проникновение в предмет. Все зрение, все внимание собирается в узкий пучок и уже не скользит по поверхности предметов, но вот именно проникает в глубину». Мы утратили эту драгоценную способность «проникать в глубину». В наше время бесконечной суеты и тотального дилетантизма мы редко на чем-либо сосредотачиваемся, фокусируемся, особенно на том, что требует интеллектуального, познавательного усилия. А поиск,

подбор и отбор книг для домашней библиотеки требует именно такого усилия. Требуется особой расстановки приоритетов, когда книга для библиофила оказывается так же важна, как редкая марка для филателиста или уникальная монета для нумизмата.

Во-вторых, существенно изменился наш домашний интерьер. Компьютер, фактически вобравший в себя телевизор и музыкальный проигрыватель, казалось бы, освободил пространство дома для книги. Но нынешний дизайн предполагает не наполненность, а заполненность интерьера, напоминает декорацию, в которой расставлены бутафорские фетиши. Этот консервированный интерьер не предполагает рабочей атмосферы, не предполагает перемещения книг с полок на письменный стол. Такой дизайн создает модель дома, но никак не сам живой дом. Книга в живом доме ощущается с порога. В таком доме иная, вдумчивая тишина. В таком доме слово не звенит стеклом, разбиваясь о пустоту, а будто ложится на воду легким пером.

В-третьих, мы утратили особую философию рода, которая наиболее полно в нашей культуре выразилась в роде Флоренских. О. Павел считал, что каждый человек в роду – это не обособленная единица, а связующее звено между предками и потомками, благодаря чему выстраивается вертикаль рода. Но помимо этого существует и горизонталь рода. Ее сформулировал один из потомков о. Павла Флоренского – внук Павел Васильевич Флоренский: «Иногда родовое чувство преодолевает

самое себя, не растворяясь в безлюдье абстрактного человечества. Это происходит, когда в окружающих видятся собственные дети, либо устанавливается внутренний диалог с теми, кто близок по своему складу, независимо от их присутствия во времени и пространстве. Фарадей, Вернадский, Моцарт, Пушкин, Тютчев, входя в русло мыслей Флоренского и его детей, становятся как бы членами его рода, но родство здесь уже иное – это родство по духу». В этой системе координат философии рода домашняя библиотека становится точкой, в которой пересекаются родовая вертикаль и горизонталь.

Домашняя библиотека соединяет поколения, определяет их преемственность: книга, которую читали твой дед и отец, читается иначе, нежели новинка из книжного магазина. Прочтенная близким человеком, книга прирастает для тебя новыми смыслами, хранит в себе впечатление и понимание читателя-предшественника, ждет твоего понимания и впечатления для читателя-последователя.

Каждое новое поколение, принося в домашнюю библиотеку новые книги, привносит с ними свою духовную силу, мечты и надежды. Это подобно созиданию родового гнезда. Вот почему так тяжело в случае утраты с нуля собирать домашнюю библиотеку. Без нее, где бы ты ни жил, сам себе кажешься блудным сыном, боишься одиночества. И его так же боятся книги, выпавшие из домашней библиотеки, как из колыбели, не пришедшие от родителей к детям.

В наш век, когда практически каждый имеет в кармане портативный компьютер, все чаще приходится слышать вопрос: нужна ли сегодня книга? Не изжила ли она себя в привычном печатном, «бумажно-блочном» формате?

Как ответ на подобные вопросы мне всегда вспоминается один случай из детства. Однажды я порвал страницу книжки-малышки. «Разве можно, – услышал я материнский упрек, – книжечке больно!» Мы аккуратно подклеили страницу – «вылечили книжку». С тех пор книга для меня стала чем-то живым, дышащим, чувствительным к грубому или трепетному прикосновению читателя. Не случайно наши предки во время пожаров первыми из огня выносили книги, спасали библиотеки в пору стихийных бедствий и войн, считали уничтожение книги величайшим святотатством.

По этому поводу расскажу другую историю, уже из детства моего деда. Как-то раз дед отправился в районную библиотеку, что была за десять километров от его села, за последним томом «Тихого Дона». Дело было ранней весной. На обратной дороге, когда уже смеркалось, дед решил срезать путь и пройти через озеро. Но истончившийся лед не выдержал, и дед ушел под воду по самое горло. Но книгу при этом удержал над головой и не намочил ни страницы. Придя домой, просушившись, он начал читать долгожданную книгу и зачитался до глубокой ночи, пока мать не стала ругать за то, что тот изводит керосин. Тогда дед поудобней примостился у

окна, поймал лунную дорожку и так продолжал читать до самого рассвета.

Сегодня нам не приходится прокладывать такой непростой путь к книге, но оттого наши встречи с ней не стали более желанными и частыми. Нас будто лишили той сокровенной лунной дорожки, способной во тьме озарить слово. Дело в том, что в последние десятилетия была разрушена не только мощнейшая техносфера, но и не менее прочная и важная библиосфера – сфера книги, которая, как писал Мамин-Сибиряк, «приносит с собой духовную весну». Книги определяли судьбы людей и целых поколений, они всегда были рядом с человеком, сопутствовали ему, становились членами семьи. Теперь же мы утратили опыт собирания домашних библиотек, где свои полки или стеллажи непременно имели дети. Мы утратили традицию семейного чтения, когда не только старшие читают младшим, но когда собирается вся семья и книга идет по кругу от чтеца к чтецу. Ведь вслух проза и поэзия воспринимаются иначе, в интонациях родного человека слово на всю жизнь остается в памяти и в сердце.

Все тот же Мамин-Сибиряк в начале XX века сказал: *«Мы сейчас слишком привыкли к книге, чтобы хотя бы приблизительно оценить ту громадную силу, которую она представляет»*. В начале же XXI века мы *отвыкли* от книги, но свою огромную силу она являет нам вновь и вновь. Можно назвать, как минимум, две книги, ставшие не просто литературным,

но общенациональным событием – «Несвятые святые» и «Пасха красная». Пробудившие всеобщий интерес вне зависимости от возраста, профессии, образования и читательского опыта, они явили пример не массового, а соборного чтения, показали, что русская литература сегодня – это не только постмодернистские фокусы, не только словесная эквилибристика, а прежде всего душеспасительное слово. Литература по-прежнему хранительница правды, ради которой можно претерпеть все и пожертвовать всем.

«Я полезу на нож за правду, за отечество, за русское слово, за язык», – говорил Владимир Иванович Даль. И в этих решительных словах одновременно завет и пример каждому из нас. Наверное, несколько лет назад никто и не думал, что наступят такие времена, когда за язык и слово в буквальном смысле вновь придется «лезть на нож» и идти под пули. Те, кто умирает сегодня на юго-востоке Украины, умирают и за слово тоже, за право говорить

на русском языке как на родном и Богом данным. Не случайно именно русское слово в нынешних событиях на Украине стало щитом и мечом для одних и целью, которую пытаются стрелять на уничтожение, – для других. Можно вкопать в общую землю пограничные столбы, написать учебники по лжеистории, создать безблагодатную автокефальную церковь, где к православным насильственно присовокупят инославцев, где распространят сектантский яд, но вытравить из культурного сознания язык невозможно. Язык – это незримый Покров Богородицы, объединяющий народ, оберегающий его надежней системы ПРО.

Промыслительно в нашем календаре сложилась череда праздников, посвященных слову, языку, литературе, книге: День православной книги, День славянской письменности, День русского языка. И все эти праздники должны проходить не формально, не для отчетности, а всем миром, соборно, как проходит парад Победы 9 Мая и крестный ход на Пасху.